

АГРАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТУРКЕСТАНА КАК РЕГИОНА ВОДВОРЕНИЯ МИГРАНТОВ В МЕМУАРАХ ЧИНОВНИКА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МВД А.А. ТАТИЩЕВА

Нурметов Сардор Бахтиёрович.

Ургенчский инновационный университет. Стажер-преподаватель.

Аннотация: В статье, на материалах воспоминаний чиновника Переселенческого управления А.А. Татищева выявляются аграрно-экологические возможности Туркестана в аспекте организации водворения и обустройства крестьян-переселенцев. Прослеживаются основные этапы профессиональной биографии имперского чиновника, выявляются подходы и практики, используемые специалистами в определении аграрных обстоятельств, благоприятствующих или препятствующих привлечению переселенческого контингента к образованию посёлков в тех или иных местностях обширного региона.

Annotation: In the article, based on the memoirs of the official of the Resettlement Administration A.A. Tatishchev identifies the agrarian and environmental potential of Turkestan in the aspect of organizing the settlement and arrangement of resettled peasants. The main stages of the professional biography of the imperial official are traced, the approaches and practices used by specialists in determining the agrarian circumstances that favor or hinder the attraction of the migrant contingent to the formation of settlements in certain areas of the vast region are identified.

Ключевые слова: А.А. Татищев, аграрно-экологическая экспертиза, Азиатская Россия, переселенческое движение, мемуары, Переселенческое управление.

Key words: A.A. Tatishchev, agrarian and environmental expertise, Asian Russia, resettlement movement, memoirs, Resettlement Administration.

Аграрное переселенческое движение на восточные окраины империи, развернувшееся после Великой реформы во второй половине XIX в., к началу XX столетия стало значительным фактом социально-экономической, политической и культурной реальности Российской империи. Во многом это было связано с созданием функциональной системы перемещения, водворения и обустройства лиц земледельческого сословия в губерниях и областях Азиатской России, что выражалось в предварительной оценке и последующей подготовке колонизационного фонда, финансового, технического и организационного сопровождения переселенческого дела специальным учреждением – Переселенческим управлением МВД, основанным в 1896 г.

В отечественной историографии факт создания и функционирования Переселенческого управления долгое время оценивался в сугубо технологическом ключе: в контексте организации крестьянских миграций из Европейской России и осуществления поддержки переселенцев по пути следования к местам проживания, а

также кредитования переселенческих хозяйств в районах обустройства [1]; [2]; [3]. Вне исследовательской «оптики» располагались вопросы, связанные с пониманием своих задач представителями переселенческой бюрократии, социокультурной и профессиональной идентичности сообщества чиновников учреждения, по своей структуре и организационной модели, приблизившегося в начале XX в. к министерствам колоний в европейских государствах [4, с.108]; [5, с.170].

Изменившийся в начале XXI века вектор историографического дискурса позволяет говорить о формировании на рубеже XIX – XX вв. иной, нежели в пореформенное двадцатилетие модели организации переселенческого дела, в котором стало прослеживаться стремление к разработке научного подхода к колониальным мероприятиям, что предполагало широкий спектр экспертных исследований, предварявших практическую деятельность по переселению крестьян [6]; [7]; [8].

К числу таких «агентов» переселенческого ведомства принадлежал А.А. Татищев, чиновник Переселенческого управления, прошедший путь от младшего служащего до помощника начальника учреждения и принимавший непосредственное участие в колониальном деле на Дальнем Востоке, в Степном крае, Туркестане. В воспоминаниях А.А. Татищева отражены не только основные этапы его службы в переселенческом ведомстве, но и прослеживается вклад переселенческой бюрократии в научную экспертизу аграрной среды регионов, планируемых к заселению российским крестьянством.

Основным источником настоящей статьи выступают воспоминания чиновника А.А. Татищева о его службе в Переселенческом управлении в 1906-1917 гг. [9], обращение к которым открывает научно-исследовательскую перспективу уточнения и приращения информации о сюжетах исторической реальности, связанных с рецепцией автором текущей ситуации в переселенческом деле и практиках экспертизы колониального фонда восточных окраин империи. Не менее существенным представляется и возможность раскрытия внутреннего мира, «человеческой составляющей» государственного чиновника «второго эшелона» российской бюрократии.

В этой связи, применяемый в статье метод деконструкции дискурса мемуарного текста, предполагающий обнаружение тематически связанных фрагментов, формирующих единое «концептуальное пространство» [10], во многом способен раскрыть логику выполнения чиновничеством своих профессиональных обязанностей и способы решения актуальных задач переселенческого дела в различных регионах Азиатской России, в том числе Туркестане, включение которого в общероссийское пространство началось в 1870-х гг.

Значимый период экспертной деятельности А.А. Татищева оказался связан с регулярными поездками в Туркестанский край (официальное название с 1873 г.). Резкое изменение командировочного вектора являлось достаточно типичным в

системе функционирования Переселенческого управления и было, как правило, связано с обстоятельствами ротации чиновников ведомства и актуализацией переселенческих задач в том или ином регионе. После денонсации в 1911 г. торгового договора между Россией и США, развитие в Туркестане хлопководства было объявлено государственной задачей, а Татищев назначен начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, заменив на этом посту А.В. Успенского [9, с. 147]. Стоит отметить, что при назначении чиновников Переселенческого управления учитывался и такой фактор как предварительное знакомство с местом работы. А.А. Татищев ещё в 1910 г. совершил частную поездку в Туркестан, которая оказалась возможна, по его словам, «в виду снижения делопроизводственной активности в канцелярии Дальнего Востока» [9, с.87]. Показательно, что первая поездка Татищева в Туркестанский край началась в посещения Муганской степи на Кавказе, где уже широко распространились практики искусственного орошения, взятые впоследствии за основу в хлопководческом производстве Центральной Азии. Несмотря на то, что в колонизации Туркестана доминировали задачи военного закрепления в регионе и развития хлопководческой отрасли, для чиновников Переселенческого управления вопросы водворения крестьянства из Европейской России и развития практик земледелия продолжали оставаться актуальными. Даже удручающее впечатление, сложившееся у чиновника ведомства от знакомства с «абсолютно гладкой как стол степью» по линии Средне-Азиатской железной дороги, не удержало его от констатации очевидного: большого запаса годных для земледелия площадей в Закаспийской области [9, с.89].

Неоценимый опыт экспертизы аграрно-экологического потенциала регионов Азиатской России был приобретён А.А. Татищевым в ходе первой поездки в Туркестан, при знакомстве с частными инновационными практиками организации земледелия вдоль линии железной дороги. В одном из мемуарных сюжетов Татищев детально повествует об инициативе проведения оросительных каналов в Голодную степь опальным великим князем Николаем Константиновичем, который на личные средства способствовал образованию нескольких русских посёлков в пойменной части р. Сырдарьи [9, с.92]. Ценность таких инициатив, по мнению автора, заключалась в том, что впоследствии, образованные таким образом посёлки включались в общегосударственные проекты земледельческой колонизации Туркестана [9, с.92]. Также Татищевым, при поддержке представителей Переселенческого управления на местах, была совершена поездка в Чимган, где он смог оценить и отразить в последующих отчётах усилия местного лесничего, устраивавшего искусственные заграждения от селевых потоков [9, с.94].

Заняв пост начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Татищев, в своей экспертной деятельности, возобновлённой в 1913 гг., опирался на ранее приобретённый опыт, ориентированный на решение одной из системных задач колонизации – создания в

регионе благоприятных условия для проведения переселенческого дела, что было невозможным без учёта местных аграрно-экологических условий.

Специальной областью аграрно-экологической экспертизы территорий реального и предполагаемого расселения крестьян вдоль линии Средне-Азиатской железной дороги являлись исследования метеорологического характера. Сбор сведений о температуре и её распределении по сезонам года на постоянной основе, позволял определять круг сельскохозяйственных культур и формулировать конкретные рекомендации по их внедрению. Так, в результате многолетних наблюдений, было установлено, что в районе Ташкента в осенне-зимний и ранневесенний периоды температура опускалась ниже нуля градусов практически ежегодно, что не позволяло «культивировать апельсиновые деревья, при этом летняя жара давала возможность повсеместно сеять хлопок, требовавший большого числа солнечных дней и малого количества осадков» [9, с.161].

Отмечая важность изучения климатических условий Туркестана как региона аграрной колонизации, а также накопления и распространения опытных хозяйств, особое внимание в экспертной работе А.А. Татищева как представителя Переселенческого управления отводилось проектам и практикам орошения в районах, отводимых в текущий момент под организацию переселенческих хозяйств. Концентрация на задачах переселенческого движения позволила А.А. Татищеву как эксперту выделить наиболее проблемные сюжеты гидротехнической работы в колонизируемом районе Голодной степи, объективно являвшейся частью аграрной и переселенческой политики.

Во-первых, Татищев обратил внимание на то, что проект орошения, разработанный инженером Ф. Ф. Толмачёвым, предполагавший орошение 45 тыс. десятин удобной для заселения мигрантами земли, по сути перерезал старую оросительную систему, построенную великим князем Николаем Константиновичем ещё в начале 1890-х гг., в результате чего значительная доля воды уходила на орошение старожильческих земель, снижая тем самым прибыльность хозяйств переселенцев. На практике, по свидетельству А.А. Татищева, выходило, что старожилы на землях великого князя получали воду даром, тогда как переселенцы должны были выкупить стоимость оросительных сооружений, проектная стоимость которых составляла 165 рублей с десятины [9, с.163].

Во-вторых, по мнению Татищева, при организации орошения Голодной степи с одновременным заселением переселенческим элементом, не следовало копировать опыт подобных мероприятий в Муганской степи на Кавказе. Эксперт в своих мемуарах детально пояснял, что слепое перенесение практик орошения, используемых на Кавказе в районы Туркестана привело к существенному перерасходу финансов и дало малый экономический эффект, поскольку кавказский проект реализовывался сравнительно дешёвым трудом «туземного» населения, с использованием недорогого оборудования [9, с.164]. Между тем, в ситуации

начавшегося водворения переселенцев на свободные земли Голодной степи, значительная доля затрат на орошение участков возлагалась на самих крестьян, при этом, высокие урожаи хлопка обеспечивались только большими объёмами воды, что влекло за собой подъём подпочвенных солей и снижение урожайности в последующие годы [9, с.166].

В-третьих, как отмечал А.А. Татищев, преодолению трудностей в реализации «голодостепского» оросительного проекта препятствовала логика крестьянского мышления. Продуктивные идеи преодоления засоленности почв посредством их дренажа или расширения посевов люцерны встречали резко негативное неприятие со стороны земледельцев, говоривших: «Да какой же дурак, Ваше превосходительство, пойдёт на дело, где можно заработать 5 процентов на свои деньги, когда на хлопке всякий посредник может заработать 50 процентов на чужих деньгах» [9, с.168].

Несмотря на неудачи в организации переселенческого дела в Туркестане, результаты аграрной экспертизы различных территорий региона позволили составить определённое представление о возможностях их сельскохозяйственного освоения, а также, как заключал Татищев, поднять общий уровень благосостояния населения [9, с.178].

Важнейшим нюансом экспертной деятельности чиновников переселенческого ведомства являлось определение специализации подведомственных районов, выстраивание гибкой политики их заселения, что ориентировало на изучение земледельческих инициатив населения. Описывая свою деловую поездку в Закаспийскую область и Фергану в должности начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, А.А. Татищев, обратил внимание на ряд агрикультурных практик местного крестьянства, считая полезным их дальнейшее распространение. В частности, по его наблюдению, в некоторых районах Закаспийской области, российские переселенцы производили посевы озимой пшеницы, используя редкие зимние дожди, а также включали в пашенный оборот фрагменты участков, не получавших орошения (на всякий случай), что в отдельные годы увеличивало урожайность [9, с.173].

В целом, можно констатировать, что мемуары переселенческих чиновников, в том числе одного из видных деятелей аграрной колонизации азиатской периферии России, чиновника переселенческого ведомства А.А. Татищева, являются ценным источником конструирования формата и содержательных аспектов работы сообщества имперских экспертов второй половины XIX – начала XX вв. Последовательная деконструкция дискурса воспоминаний Татищева, позволяет воспринимать материал как свидетельство непосредственного участника событий, включённого в круг профессиональной коммуникации с другими персонажами переселенческого дела в исследуемый период, проследить логику и последовательность мероприятий, направленных на встраивание восточных окраин

государства в общеимперский организм. В этой работе важная функция отводилась аграрной экспертизе Туркестана как региона водворения и обустройства переселенцев, что являлось элементом колонизационной политики империи. Материалы воспоминаний А.А. Татищева позволяют преодолеть трафаретные представления о переселенческой бюрократии пореформенной эпохи как костной и инертной массе российских чиновников, слабо связанных с реальностью и переосмыслить результаты их профессиональной деятельности в сфере рецепции аграрно-колонизационного потенциала Азиатской России в широком территориальном контексте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1976. 342 с.
2. Ноздрин Г.А. Государственная и общественная помощь переселенцам в Сибири в конце XIX – начала XX в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII-XX вв.: Материалы междунар. науч. конф., 19-21 марта 1996 г. / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др. Новосибирск: Б. и., 1996. С.124-126.
3. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
4. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.105-150.
5. Ремнёв А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg» ? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150-182.
6. Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. 128 с.
7. Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. СПб.: тип. Альтшулера, 1911. 270 с.
8. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
9. Татищев А. А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.
10. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Том 2. № 2. С. 8–16.

8. Akhmadaliev, D. R. (2023). USING GAMIFICATION IN ENGLISH LESSONS. *Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal*, 4(03), 8-13.

9. Yusupjonova, D., & Axmadaliyeva, D. (2023). Using computer and online technologies in teaching english. *Models and methods in modern science*, 2(12), 151-155.

10. Jamoliddinova, M., & Axmadaliev, D. (2023). Organization of foreign language teaching in higher educational institutions and introduction of speech units for students. *Development of pedagogical technologies in modern sciences*, 2(11), 96-99.

11. Sevara, A., & Akhmadaliev, D. (2023). The Major Issues in Teaching and Writing of Contemporary Literature. *Information Horizons: American Journal of Library and Information Science Innovation (2993-2777)*, 1(9), 91-95.

12. Akhmadaliyeva, D. R., & Igamberdieva, S. A. Methodology of Developing Media Competence In The Process of Teaching English to Students of Technical Higher Educational Institutions. *Pindus Journal of Culture, Literature, and ELT*.